

Лана Франт

КАРА СУДЕСНАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Франт

Кара чудесная

«Автор»

2026

Франт Л.

Кара чудесная / Л. Франт — «Автор», 2026

Мне всю жизнь говорили: «Тимур, займись делом, приноси пользу». Я пытался — и делал это не один. На пару с лучшим другом мы наказывали тех, кто топтал чужие жизни, и верили, что это правильно. А потом наши дороги разошлись. Так бывает. Но мое одиночество продлилось недолго. В Поволжье появился мститель. Его жертвы не отделяются легким испугом. Его не видят камеры и не помнят свидетели. Его оружие комично, но методы расправы вызывают дрожь, восторг, отвращение... и любопытство. Я хочу найти этого мстителя. Не чтобы остановить. Чтобы узнать, откуда эта сила... и какова ее цена. _____ Содержит сцены насилия разной степени натуралистичности.

© Франт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22

Лана Франт

Кара чудесная

Пролог

Дело мое полезное, хоть и по-своему — не каждый согласится с моей оценкой. Но это дело явно не то, на которое мать смотрела бы с гордостью.

Совсем не то.

Ветер бушевал и рвал кроны деревьев в палисаднике — отлично: нас не услышат. Ночь раскрасила черное полотно белой крапункой — замечательно: нас не увидят.

— Подожди! — щупленькая рука схватила меня за капюшон. — Не так резко. Осторожно. На полусогнутых.

Я уже думал рвануть из укрытия за стеной пятиэтажки — быстро, шумно, чуть ли не с боевым кличем, — но мои живые тормоза пришли в действие. Бесподобно.

Я прислушался к шепоту напарника. С согнутыми коленями продвинулся вдоль стены, склонив голову — чтобы не встретиться затылком с решетками на окнах. Сбоку раздался гулкий удар, приглушенное шипение и проглоченное ругательство — шуршание листы его зацензурило. Я хмыкнул: и этот парень с завидным постоянством говорит мне про осторожность?

Свет в окнах угасал — жильцы делали вид, будто ничего не видят и не слышат. Мы натянули балаклавы и окончательно сроднились с темнотой.

Звуки потасовки приближались. Квартет малолетних шкетов (ну как малолетних? Чуть младше нас) окружил худошавого паренька с длинными волосами — те, что подкрадывались со спины, зарились на синтезатор в чехле и, не надо гадать, прикидывали, за сколько его можно продать. Наивные. Паренек хоть и выглядел легкой добычей, но это не так — музыканты без боя свой инструмент не отдают. А у этого металлоуги еще и козырь в рукаве имелся.

Только он об этом не знал.

Даже не догадывался.

— Каких берешь?

— Как обычно.

Я ускорился и, скрытый кустами, встал аккурат напротив парней, что выкрикивали такие слова, за которые мама мне бы всадила по самое не хочу. Я отдал длинноволосому пареньку должное — он сохранял спокойную мину при экстремально плохой погоде. Привык, наверное. Раз живет в этом районе, то не в первый раз сталкивается с обделенным умом сбродом.

Я посмотрел на своего напарника. Мы обменялись большими пальцами — и по едва заметному кивку вышли из тени, как хозяева двора.

Мои жертвы увидели Влада. Его жертвы и несчастный паренек — меня. Я заулыбался под маской и подмигнул ему. Шкеты проглотили языки и не успели предупредить друг друга. Монтировка в моих руках (обмотанная шарфом — я же не совсем кровожадный) и бита Влада идеально легли в их поясицы.

Крики и стоны малолетних преступников — любимейшая мелодия. Шок на их лицах и трясущиеся перед праведным возмездием коленки — улада для глаз. До чего же прекрасное чувство — ставить людей на место.

Мелочь превосходила числом, но мы с Владом крупнее, быстрее и вооружены. Один пацан, хватаясь за ушибленное место, пустился прытью, второй (и оба — мои жертвы) последовал его примеру. Я, малость, затосковал — думал, повеселее будет, — но уловил боковым зрением еще один повод пустить оружие в ход.

Прыжком я подобрался к металлу, замершему, как статуя, и обрушил инструмент на руки, что уже тянулись к синтезатору.

Раздался хруст. Хулиган заверещал, как маленькая девочка. Длинноволосый вышел из оцепенения, нырнул за бордюр, на детскую площадку — и уже оттуда продолжил наблюдать за сценой, точно задаваясь вопросом: добро мы или еще большее зло?

Наверное, добро. Своеобразное. С кулаками.

Влад пригрозил битой прыткому пацаненку (сколько ему, лет четырнадцать? Куда родители смотрят?) — тот получил удар под дых, свалился мешком картошки и пополз, пополз, как слизень после грозы, роняя тщедушные слезки. Мой напарник махнул на него рукой и вновь взял на себя самую ответственную в нашем деле роль.

Паренек со сломанными запястьями замер в немом крике.

Кровавая пелена легла на глаза.

Я возвел над его головой монтировку...

Хрясь!

...и она столкнулась с деревянным стволом биты. Хлопья облупившейся краски взметнулись облачком серой пыли. Спортивный инвентарь получил боевую отметину, мой инструмент едва завибрировал в руках, как несбалансированная арматура.

— Хорош.

Полыхая и парясь в воображаемой кровавой бане, я столкнулся с холодными серо-голубыми глазами Влада. Он покачал головой.

— Пускай бежит и оглядывается по сторонам.

От адреналина в крови я дрожал. Сердце сочиняло умопомрачительный бит. Пот стекал по спине, кулаки чесались еще раз взмахнуть моим оружием и проломить и биту Влада, и голову маленькому засранцу. Он валялся в ногах, жалостливо стenal, поджимая раненные лапки, плакал, мамочку звал. Мерзкое зрелище, не откликающееся ни каплей сострадания.

Не надо мне, чтоб хулиганье боялось — мне надо, чтобы его стало меньше.

— Брат, — голос Влада смягчился, — он и так несколько недель не сможет д... др...

Он поморщился: я так и видел его кривящийся рот под маской.

Слепая ярость ослабила хватку. Я обезоружено поднял брови. Мать моя женщина. Я настолько потерял контроль, что мой стеснительный и почти безобидный друг взаправду собрался выразиться... просторечно?

— Дрочить?

Влад выдохнул — и в этом выдохе прозвучала такая благодарность, будто я голыми руками остановил несущийся на всех парах поезд. Меня прорвало на смех. Ох уж эти различные парни, гоняющие по вечерам шпану.

Я завел монтировку себе за шею, подмигнул напарнику и склонился над мальцом — едва ли старше ретировавшихся сокомандников. И зло, и горестно стало на душе. Дети совсем, а уже на кривую дорожку ступили. Нет у них, видимо, авторитета в семье, вот и ищут его, дешевый, на улицах спящего города.

Глазки мальчика, покрасневшие, побледневшие, выкатывались из орбит и взирали на меня так, словно перед ним не обычный парень в балаклаве и со строительным инструментом наперевес — жнец в мрачном одеянии, что пришел по его душу.

Увы.

— Ты прав, Гриб. Для него это хуже пробитой копилки.

Я схватил мелкого за плечо — он пискнул и закрыл лицо опухшими руками, — поставил на ноги...

— Пошел! И оглядывайся теперь.

...и отвесил того, чего ему явно не хватало — отцовского подзатыльника и материнского поджопника.

Еще секунды шкет взирал на меня так, словно ждал подвоха — пришлось шикнуть, и лишь после он убежал, сверкая пятками. Ничего не видящие, ничего не слышащие жильцы окружающих домов проигнорировали его грустную оду собственной боли и унижения.

Жажда крови окончательно отпустила. С чувством выполненного долга мы с Владом выдохнули и звонко схлопнулись ладонями. Хорошо поработали.

— Ты почти слетел с катушек, — с упреком сказал он мне.

— Зато мои тормоза сработали на ура, — я по-приятельски стукнул кулаком по его предплечью.

Влад усмехнулся и приподнял краешек балаклавы на переносице, чтобы надышаться свежим воздухом. За спиной друга раздался шорох, и мы с удивлением обнаружили, что металлога все еще здесь — выглядывал из-за толстого ствола тополя. Чего-то ждал.

— Ты нас снимал? — Влад задал тот же вопрос, что и всегда на наших вылазках.

Длинноволосый выудил из кармана смартфон, нажал на кнопку блокировки. Экран продемонстрировал разряженную батарейку. Повезло, уговаривать удалять видео не придется. Мы не так уж давно в этом деле, только осваиваемся. Популярность нам пока не нужна.

— За что? — паренек кашлянул из своего укрытия. — В смысле, помогли.

— Мимо проходили, — мы синхронно пожали плечами.

— Вы всегда ходите с битой и... кочергой?

Я залился отчасти возмущенным хохотом. Так мой инструмент еще не называли.

— В каком уж районе живем. Иди с миром уже! — я взмахнул рукой и выставил большой палец. — Причесон, кстати, классный.

Он быстро кивнул и ушел, так и не распознав, сарказм это был или от чистого сердца. Да и я, признаться, тоже не понял. Надирание задниц нагловатой шпане, самоуверенным воришкам и прочим негодяям всегда поднимает настроение — его сразу так много становится, что льется оно через край и я окатываю им всех, кто рядом оказывается. Не потому что хочу — сдержаться не могу. Да и мне жаль, что ли? Пускай другие тоже улыбаются — мне только в радость.

— Ну что? По домам?

— Шас-шас. Дай насладиться моментом.

Я откинул голову и поднял ткань балаклавы на шее. Влад эйкнул и хлопнул меня по руке: заприметил камеру на ближайшем подъезде, мало ли, вдруг не для красоты. Вот облом! А так хотелось вдохнуть полной грудью и ощутить на лице остужающую ласковую прохладу! Самое то после с чувством выполненного дела!

Сомнительного, конечно. Хотя...

Я смотрел на своего напарника и вспоминал, как мама отреагировала на него тогда, девять лет назад. Заулыбалась, запричитала: «Худющий какой!» и с тех пор постоянно через меня выпечку передает. Засмущалась, слезу пустила, когда ее «тетей Розой можешь меня звать» не послушал и только полным именем, как бы сложно ни было, стал звать — Раушана.

— *Хороший мальчик, — сказала она мне. — Воспитанный. Точно тебя ни в какие авантюры не затянет, как предыдущие твои дружки!*

Он такой. Авантюры — это по моей части. Влад помнется, потревожится, кучу за и против приведет, да согласится — еще и с отдачей! Знала бы мама, что именно с этого шуплика все началось. И что за наводки на хулиганов именно Влад отвечает. Не сегодня только. Металлогуе мы не соврали — взаправду просто рядом были.

И пускай не знает дальше. Она верит в черно-белый мир, только ее «черное и белое» — не добро и зло. Для нее все решает польза. «Займись делом, приноси пользу» — эту мысль вкладывали мне в голову с тех пор, как я начал что-то соображать. Ана¹ и представить не могла, как это мной поймется — и лучшей ей остаться в неведении.

¹ Мама (здесь и далее перевод с казахского и примечания автора).

Меньше знаешь — крепче спишь.

Глава 1

Не всегда с дела удастся уйти сухими. Это вчера хулиганы уровня начальной школы преступности попались — иногда и мы с Владом огребаем. Ничего серьезного, обычные синяки и ссадины, но каждую мама замечает — и в такие моменты ее строгие глаза разочарованно меркнут, а я свой стыд деть куда-нибудь пытаюсь, чтоб он меня не съел. Говорю: «Так, слово за слово и понеслось...» Вру ей наглым образом, отчего сильнее грызу себя. Знаю, что она за меня переживает — да иначе не могу.

Ни признаться, чем занимаюсь, ни отказаться.

Умывшись, почистив зубы и наспех впихнув в себя хлеб с маслом (мама отругала, что опять проспал и нормально не поел), я поцеловал ее в щеку и поймал в ответ добрую улыбку, от которой душа залилась соловьиным пением. Я нырнул в кроссовки и выбежал в подъезд. На крыльце уже поджидал Влад — весь при параде, как обычно. Светлые брюки с рубашкой наглажены, белые носки выдавших «Конверсов» аж сияли под солнцем. Я засмеялся, увидев друга в очках.

— Здорово, Гриб. А линзы где?

Он досадно щелкнул языком:

— И тебе салам. Посеял вчера одну. Лишних денег нет пока у родителей — до стипендии подожду.

Я понимающе промолчал. Влад нахмурил брови и, ругнувшись, снял очки и принялся протирать стекла краешком рубашки.

— Может, давай, одолжу?

— У кого? У Раушаны? — Влад, оценивая чистоту стекол, фыркнул. — Хорошо, Тим. Ходил же я раньше постоянно в очках и ничего. Потерплю немного.

Очки у него обычные, без поляризации — дорогое больно удовольствие. Когда Влад на линзы перешел, радовался, что наконец солнцезащитные смог носить — и вот погода и обстоятельства сломали его имидж. Утреннее солнце светило Владу прямо в глаза, и меня позабавило выражение его лица — как будто кислятины наелся. Или...

— Ты прямо как в восьмом классе, когда решил, что больше не хочешь выглядеть, как ботаник. «Забыл», — я нарисовал кавычки в воздухе, — очки и потом на биологии шурился, чтоб надписи на плакате рассмотреть.

— Зато я тогда поднял руку! И ответил на вопрос. — Влад заворчал и важно отчеканил: — И не заржал со слова «вагина».

— Не заржал. Зато как раскраснелся... Да-да, вот так же!

Его щеки запестрели. Кровь и к моим щекам прилила, да незаметно этого, в отличие от Смирнова — он та еще бледная поганка.

— Иди в жопу.

— Маршрут заманчивой. Уточни, в какую?

Он толкнул меня в плечо, а я залился хохотом. Каждый раз, когда я подкалываю Влада или несу всякую ерунду, он закатывает глаза, хлопает себя по лбу и обреченно приговаривает: «И почему я с тобой общаюсь?». Это уже своего рода наш ритуал.

Мы подошли к остановке как раз, когда подъехал нужный автобус. Сели, устроились на свободные места в хвосте и зарылись в телефоны. Во время поездки мы обыкновенно показывали друг другу экраны, смеялись с мемов и снова листали свои ленты в соцсетях, давая передышку — друг другу, друг от друга. Анонсы свежих музыкальных релизов, желтуха о скандалах между блогерами и сообщения о вставших посреди улицы трамваем смешались в невнятную мозаику, в которой красными вспышками выделялись новости криминала — местного, реги-

онального, мирового... один из пабликов, на который я подписан, публиковал фотографии без цензуры, предлагая любителям острых ощущений и темной стороны общества взглянуть на моря крови, лоскуты плоти, оторванные конечности и не прилизанные, как в кино, гримасы повешенных, убитых... и убитых убийц. Меж позвонков пробежал мороз, когда соседний город поднял руку и отчитался о бурной ночи.

«Мужчина 24 лет, в 2:35 по местному времени, обратился в больницу, куда его привезла девушка, которая, как позже выяснилось, призналась, что пострадавший совершил в отношении нее попытку изнасилования. По словам потерпевшей...»

Чем дальше в текст, тем ближе к горлу поднималась желчь. Кто-то слил фотографии травмы этого парня — и, стоило кровавому месиву между его ног попасться на глаза, как я резко свернул вкладку, заблокировал экран, будто это могло вычеркнуть увиденное из памяти, и уставился в окно, плотно прижав колени друг к другу. Мда уж. Не то чтобы подобные ублюдки достойны сочувствия и, уж тем более, размножаться в будущем... и все же.

Двигатель автобуса бурчал и вибрировал под сидениями так, что заднице стало щекотно. Однотипные провинциальные пейзажи за окном преследовали всю долгую дорогу до колледжа. Тополиный пух витал в воздухе подобно снежинкам, ветер играл длинными косами берез и тревожил обновленную, сочную листву городских деревьев. Я потянулся показать Владу очередной мем со словами «О, ты!» и обнаружил, что друг мой прикорнул — еще чуть-чуть и захрапит.

— Проснись и пой, спящая красавица!

Он вздрогнул от смачного хлопка по спине и кое-как разлепил веки. А раньше подпрыгивал — привык уже.

— Выходить скоро.

— Угу, — Влад зевнул, расстегнул карман рюкзака и достал проездной. Я потер потные ладони и, кашлянув, выпалил:

— А мелочи не будет?

— И это ты мне сегодня предлагал в долг дать?

— У меня есть! — кровь прильнула к кончикам ушей, и я сложил руки на груди. — Просто... у меня только крупная.

— Да-да, — Влад хмыкнул и порывлся в рюкзаке, в поисках своего худенького кошелька. С погрузневшими глазами он протянул мне монетки и слабо, неуверенно улыбнулся. — Да-да.

Формально, на пару мы опоздали. Фактически — пришли вместе с преподам; а значит, косяк не засчитан. Мы заняли свою парту, достали тетради (у Влада общая, с разделителями на каждый предмет и неоновыми закладками, которыми он помечает термины, у меня — что под руку в продуктивном попало). Вязкий, как мед, голос препода вещал об устройстве современных систем цифровой безопасности так сладко и плавно, что в сон уже склонило меня. А Влад, хоть и зевал во весь рот (того гляди порвется), но водил ручкой по клетчатым страницам.

Я написал под партой сообщение: «Разбуди, если храплю» и отправил. Смартфон Влада проснулся, друг прочитал облачко текста на экране блокировки и, повернувшись ко мне, снисходительно кивнул. К моему отношению к учебе он тоже привычен.

Если моя мама в восторге от нашей дружбы, то матушка Влада долго не могла взять в толк, как мы сошлись. Мы с ним действительно как будто из разных миров пришли. Гиперответственный заучка и гиперактивный раздолбай, «без пяти минут малолетний преступник» (ха-ха), как про меня тетя Лена за глаза говорила, а Влад передавал. По-другому смотреть на меня она стала где-то через полтора-два года после, когда Слава школу закончил. Помню то

первое сентября и как изменилось отношение одноклассников к парнишке, что потерял щит в лице старшего брата. Я просто сделал шаг вперед, чуть загородив Влада — и на том все закончилось, не успев начаться.

Сколько-то я дремал, даже сон какой-то видеть начал: мы были на деле, магазинных воров лупили. Из Морфеева царства меня выдернул хлопок дверью и смена настроения колыбельной — в интонацию препода просочилась строгость, сдобренная остротой.

— Пожаловали-таки?

— Прошу прощения, Михаил Сергеевич, — ответили басом. — Пробки.

— Что ж, — препода потянулся, словно его же лекция на него снотворящим сиропом подействовала, — спасибо и на том, что добрался. Почтил своим визитом. — По рядам пробежался тихий смешок. — Проходи.

Опоздун приземлился за пустующую перед нами парту и достал из бананки свернутую трубочкой тетрадь.

— Но, раз проштрафился, то ответь на вопрос...

Сергеевич спросил что-то про различия двух антивирусов — я не вслушивался. Пытался разлепить веки и отмахнуться от образов неслучившегося сна. Матвей вертел ручку меж пальцев и красноречиво молчал.

— Тише тебе, Смирнов, — Сергеевич подпер двойной подбородок кулаком и ухмыльнулся, когда увидел поднятую руку Влада. — Знаю я, что ты знаешь. Дай и другим возможность блеснуть знаниями.

Полусонный, я покачал головой и усмехнулся. Скорее рак на горе свистнет.

Кровь пощекотала уши, когда новая волна застенчивых смешков прошла по рядам, а друг незаметно ткнул меня под ребра. *Ай*. Это должна была быть мысль, но язык сказал твердое и безапелляционное: «Не в этот раз».

— Рак на горе серенаду креветке споет, если ты ответишь, Айдаров, — отпарировал препода.

— Не слышал, чтобы раки пели. Вдруг певцы из них хуже, чем закуска?

Одногруппники осмелели и загоготали. Влад накрыл краснеющее лицо руками, но плечи его подрагивали от смеха. А у меня голове картинка нарисовалась — раки собирают метал-группу с креветками на бэках и поют о Волжских просторах, сетях рыбаков, смерти в кипящей кастрюле и пивных похоронах. Я сглотнул щекочущий хохот и постучал себя по лбу. И что за мысли порой рождаются в этой черепной коробке?

— И что ты здесь делаешь, Тимур? — Сергеевич, покачивая головой, заулыбался. — Программиста из тебя не выйдет, а вот артист — пожалуйста! Аудитория уже есть, — он обвел взглядом нашу группу.

— Хлеб у Сабурова забирать не хочу.

— А что сразу — забрать?

Я неопределенно повел плечами.

— Да не хочу просто.

Препода несколько секунд всматривался в меня, после чего небрежно произнес:

— Все равно подумай. Юмор тоже своего рода система безопасности.

И сам ответил на вопрос, наконец отвязавшись от Матвея. Парень повернулся ко мне и моргнул — благодарно, как мне показалось. Мешки под его глазами серели, отливали зеленой, почти повторяя цвет радужек и контур старой татуировки на правом запястье. Матвей сполз под стол, прилепил подбородок к яремной впадине и опустил веки такого же нездорового оттенка. Он пытался не заснуть, но точно хотел и старался выжить без энергетика, с которым заявлялся каждый день в течение этого года.

Пробки, значит? Не верю. Точно всю ночь кутил.

Препод вновь завел колыбельную, только в этот раз сон не пришел ко мне. Я плотно задумался над словами, что услышал.

Юмор — система безопасности. Я попытался уловить посыл, найти связующие элементы и состыковать их со своими смыслами и мироощущением, но получил какой-то комок из разноцветных проводов, который даже Влад не распутает, попади он ему в руки. Я слышал (и знаю), что юмор — это защитная реакция. А если есть резон защищаться, о какой безопасности может идти речь?

Влад спокойно себе конспектировал лекцию, пока я вырисовывал каракули на полях. Друг вполне мог отучиться в десятом и одиннадцатом, а потом с легкостью в вуз поступить, но пошел другим путем. Специальность выбрал осознанно — и эта осознанность сыграла с ним злую иронию. Я пошел за Владом чисто за компанию — с моей усидчивостью не потянул бы экзамены. И вот мы оба сидим на паре по цифровой безопасности — а вечером или когда вновь перехватим вызов, заступим в патруль. Найдем нарушителей покоя и на одну десятую процента избавим мир от угрозы, которая с покрытием Земли кабелями никуда не делась — реальной.

На большой перемене буфет обыкновенно заполнился голодными ртами. Нашествие студентов разных курсов проредило содержимое подносов и стеклянного прилавка — когда очередь дошла до меня, оставались только дешевые шоколадки и пара булок.

— Прости, Тимур, — вздохнула буфетчица Надя с сочувствующей улыбкой. — Все, что осталось. Свино-говяжьи, — она кивнула на обернутые тестом сосиски.

От досады мои губы поджались. Я бегло взглянул на шоколадки и, несмотря на недовольное бурчание в животе, выпросил только кофе.

— С тыщи будет?

Буфетчица глянула под кассу и покачала головой.

— Запишу тебя. Снова. — Женщина усмехнулась, загоняя меня в краску. — Не надо напоминать, что лето скоро?

Взяв стакан с растворимым кофе, я выставил перед собой ладонь и торжественно пообещал вернуть все долги. С процентом в виде нормальной шоколадки, а не того недоразумения с пластмассовым привкусом, что завозят на прикорм сотням студентов.

Гундеж, болтовня и смех разных тональностей и громкости плясали между бежевых стен, на которых местами облупилась краска. Через окна в грязноватую крапинку, оставшуюся после недавнего дождя, в буфет лился солнечный свет — он не бил, скорее, шлепал по глазам, будто дразнил и подначивал поиграть в салки с ним и зайчиками, что отскакивали от граненных стаканов. Будь здесь кошки, и зайчики, и луч получили бы желанное внимание. Но это буфет, наводненный преимущественно парнями с бездонными желудками и неиссякаемым запасом тем для обсуждений. Куда сейчас до созерцания?

С одного из столов помахал одноклассник — он закивал на свободные места, зазывая меня и плетущегося позади Влада присоединиться к беседе и трапезе без трапезы.

— Ничего не купил?

— Не хочу есть, — поправляя очки, пробубнил Смирнов.

Та часть парней, что имела совесть посещать пары в мае, оживленно обсуждали, не соберутся ли нам всем по завершению практик и экзаменов. Каждый выкидывал свое предложение и каждый приводил доводы «за» и «против».

— Может, бар?

— Не, давайте антикафе.

— Да ну вас! Дорого.

— Может, просто на пляж сходим?

И так далее. Я особо не вслушивался, понимая, что влезу в любой кипиш, кроме голодовки — сегодняшней мне надолго хватит.

— Короче, я напишу в беседу, все отпишутся и решим, че. — Староста зажевал остатки несчастной булки и с набитым ртом добавил: — С девчонками своими приходите, если им делать нечего.

— Или если кого-то одних не отпускают, — съехидничал Колян, короновавший себя главным шутком в группе (после меня, конечно). Правда, его репертуар обычно вызывает стыд, нежели смех. Однотруппник вцепился хитренькими глазами во Влада и, растягивая слова, завел пластинку: — А то кто-то выпал...

Смирнов, отпив кофе, твердо выдал:

— Меня никто на привязи не держит. Я сам так хочу.

Ухмыляясь, Колян покачал головой и зацокал. Влад закатил глаза, не зная, что и ответить, тем самым подстегнув меня опрокинуть шута. Постучав пальцами по стакану, я откашлялся и поставил локти на стол.

— Твоя как?

— Кто? А у меня она есть? — Колян усмехнулся.

Существует один донельзя банальный способ поставить бестактного дурака на место. И всегда рабочий.

Я улыбнулся...

— Как же? — ...и похлопал себя по правой руке. — А это кто?

Лицо Коляна вытянулось. И пока остальные парни заготовили, он ограничился тем, что, краснея, как помидора, прыснул. Я позволил себе насладиться простым, оттого особенно вкусным триумфом.

— Короче, решим, — повторился староста, после чего повернулся к самому немногословному участнику застолья: — Ты что думаешь?

Сегодняшний опоздун шуршал пакетом с булкой — Матвей к ней так и не притронулся. Цветастая банка энергетика (это уже второй или он первый приканчивает?) хрустела в его руке, расписанной множественными татуировками. Их так много, что кажется, будто это не на кожу нанесли рисунки, а наоборот — между чернильными картинками черепов, ножей и прочей брутальной ерунды добавили белые островки, чтобы полотно не слилось в антистресс-раскраску. Порой я засматривался на эти шедевры натальной живописи (не только на Матвея — в принципе на всех, кто их носит) и прикидывал, как они бы смотрелись на мне. Есть в этом что-то завлекательное.

— Посмотрим, — пробасил Тихонов, непринужденно пожав плечами.

— Один пойдешь или с кем-то? — спросил его староста деловым тоном, будто получил однозначный ответ.

Колян, с честью принявший унижение, тут же захотел отыгаться на ком-то еще и бесцеремонно влез в разговор:

— А у него кто-то есть? — и пощекотал себя по руке.

Я шлепнул себя по лбу. Он что, кроме моих же шуток, ничего лучше предложить не может? Еще и так топорно скопировал... безвкусица какая-то.

И пока я думал, что Коляну не помешал бы экспресс-курс по комедии, не заметил, как стало тихо. Даже... зловеще тихо. Словно наш столик накрыло звуконепроницаемым куполом и вырвало из шумной реальности большой перемены.

Колян и Матвей прожигали друг друга глазами, пока взгляды остальных бегали между сцепившимися парнями. На наших лицах читался вопрос, к чему приведет эта перепалка. И сколько баллов из двенадцати присвоят землетрясению.

— Да что ты пристал? — обратившись к шуту номер два, Влад пошатнул тишину. — Своей личной жизни нет, вот и докучаешь другим?

— Что это сразу — докучаю? Мне интересно, вот и все.

Колян даже не повернулся. Безрассудно шел напролом, с песней и ухмылкой, пока два маленьких болота на безэмоциональном лице Матвея темнели.

— Так что, — шут-самоубийца поднял брови, — есть?

— А тебя ебет? — раздалось в ответ. Умом я чувствовал отсутствие угрозы в словах (которые даже не мне предназначались!), но невольно поежился — из-за тяжелого баса они прозвучали, как серия подземных толчков.

— Так один придешь или...?

Воздух опасно накалился. Хотя я и не участник и, уж тем более, не зачинщик конфликта, быть свидетелем оказалось не менее противно. Одно дело приструнить случайных драчунов, когда вооружен битой и монтировкой, а лица скрыты под масками, и совсем другое разнимать, по сути, нагишом и знакомых. Мне захотелось поскорее свалить, и я легонько толкнул Влада локтем. Мы переглянулись и поняли друг друга без слов — допиваем остывший кофе и идем отсюда к черту.

— Она и ошиваться рядом с тебе подобными? — Матвей натянул уголки рта. — Скорее... как на горе свистнет.

Он стрельнуть в меня взглядом — и кофе полился не в то горло. Долгое и дружное «о» растянулось по столу жирной змеей, а кто-то из парней и вовсе довольно захлопал в ладоши, как на спектакле. Мой язык стукнулся о зубы и был таков.

— Обиду кинул? — только и вымолвил.

Когда Матвей, хрустнув банкой, поднялся со стула, я невольно запрокинул голову — и шею прострелило. Мой глаз дернулся, но больше ничем свой дискомфорт я не выдал. Ох уж эти двухметровые. Недолюбливаю таких — на их фоне чувствую себя минипутом, взирающим на игрушечного солдатика. Такой черты, как обидчивость, за Матвеем не замечалось, и все равно я смотрел на эти раскрашенные медвежьи лапы, убеждаясь, что ошибочно растолковал значение его взгляда, которым он ответил на мой импровизированный стендап. Спровоцированный его же неловким моментом.

Матвей встал за спиной вновь притихшего Коляна и смотрел прямо мне в душу. Глаза у него такие, что и не скажешь, обнять он тебя хочет или на прогиб бросит. Натурально два болота.

Я чувствовал, к чему все идет. Тычком под ребра Влад не нашел кнопку «Выкл». Разряды тока пробежали под кожей, приводя меня в боевую готовность.

— Обида? За кого меня держишь? — Тихонов усмехнулся. — Просто сравнивал счет.

Я сглотнул и, подозревая, каким взвинченный выгляжу, постарался ответить максимально непринужденно.

— Я от тебя кару преподскую отвел, а ты... — и флегматично махнул рукой, под которой горячим маслом разлилась дрожь.

Еще один тычок. Влад не терял надежды остановить меня, хотя и знал: единственный способ заставить меня замолчать — отрезать язык. Ножом в таких целях Смирнов пользоваться не умеет. Пора учиться.

Буфет стремительно опустевал, а вот людей за окном, где находилась курилка, точно пребывало. Матвей посмотрел поверх меня, наверное, прикинул, сколько времени осталось до звонка — маловато, — и махнул чернильной рукой уже на меня.

— И без тебя бы справился. — А затем он крепко хлопнул Коляна по плечу (клянусь, я услышал хруст), наклонился к его уху и с улыбкой трикстера, даже не стараясь шептать, проговорил: — Ты понятия не имеешь, на что способна эта рука. — Черепушки и розы заплясали перед округленными глазами Коляна. — Такие красивые песни создает... твоя только для дочки в одиночестве и годится.

Все это слышали — и все покраснели, как раки. Наверное, Матвей так пошутил, но никто искренне не засмеялся. Колян и вовсе побледнел, будто сам жнец пожаловал по его душу, но в последний момент помиловал.

— В этот раз обошлось, — выдохнул Влад, когда мы покинули столовую и потопали в аудиторию. А затем пробурчал: — Твой язык до добра не доводит.

Я фыркнул с невнятной улыбкой.

— Нас — нет. А вот будь у меня девчонка...

— То по десять раз на дню слышал бы, что ты придурок.

Мы зашли в кабинет и сели — снова за Матвеем. Мурашки муравьями ползли по спине. Я продолжал корить себя — за страх. Мне действительно в моменте стало страшно, что Матвей кинет меня в стену, и не мог понять, почему так подумал. Хорош же тот охотник за преступниками, что испугался одно лишь взгляда крупного одноклассника...

Очередная лекция. Мне было не до конспектов — я полностью погрузился в рефлексии о произошедшем на перемене, параллельно накидывая слова в рифмы, подводя их к панчам (бесполезное занятие — забуду через десять минут, если не запишу).

Где-то через полчаса в глаза бросилось, что Матвей как-то слишком пристально рассматривает татуировки на запястье. Я и сам пригляделся, недоумевая. Ладно мне они интересны — все-таки иногда подумываю сделать себе парочку, но хочется подойти к этому решению осознанно и вложить смысл в рисунки, что останутся со мной на всю жизнь, а не быть что попало, потому что «это круто»; но Матвей точно не первый день видит эти черепа, ножи и розы. Уже должен был привыкнуть. Ведь так?

Он свернул тетрадку и уложил ее и ручку в сумку. Бананка плавно сползла под парту и спряталась под его футболкой.

— Можно выйти?

Преподаватель отвлекся от рассказа и метнул в Матвея подозрительный взгляд. Названный очень убедительно изобразил недоумение. Или нет — цвет лица отдавал зеленцой, как будто его действительно тошнило. Матвей приложил кулак ко рту и надул щеки.

— Кажется, съел что-то не то.

Немилостиво вздохнув, преподаватель кивнул. Тихонов сорвался с места. Из-за сквозняка дверь громко хлопнула — до шелеста песка под слоями штукатурки, — а затем, будто кошка на солнечном подоконнике, тишина вальяжно разлеглась над партами.

Глава 2

Дребезжание звонка с последней пары входит в список мелодий, которые я могу слушать на бесконечном повторе — наряду со страданиями преступников и радостным голосом матери. Мы с Владом вышли из аудитории, напоследок кинув взгляды на парту перед нашей.

Пустой.

— Он в туалет спать уходит, что ли?

— Хочешь проверить?

— Иди в жопу.

— Я же ничего не сказал!

— Я знаю, что ты мог сказать. Раз. — Влад поднял указательный палец. — Поэтому заранее послал тебя в жопу. Два.

Он поправил очки на переносице — уже средним пальцем.

— А конкретней можно? Жоп полно, какую предлагаешь?

Друг запрокинул голову и сдавленно простонал. Не назвав точные координаты пункта назначения, снова отправил по известному маршруту и хлопнул себя по лицу, точно жалея, что когда-то со мной связался.

Из-за того, что на перемене мы не поели, наши желудки съедали сами себя. Теплый аромат хлеба завязался на носу и буквально потащил меня в пекарню.

— Ты чего? — я открыл дверь нараспашку, а Влад встал сбоку, прислонившись к стеклам. Он поморщился, как от пощечины.

— Ты утром мелочь у меня забрал. У меня даже на пирожок с капустой не хватит.

Так вот оно что. Он не поддержал меня в обед... пристыженный, я вздохнул, схватил ворчащего Влада за рукав и завел в пекарню.

— Я не врал, — сине-зеленая купюра выпрыгнула из моего паспорта. — У меня только крупная. Выбирай, что хочешь. — Я приложил ладонь к сердцу и добавил: — Безвозмездно.

Нас встретил уютный жар работающей за прилавком печки. В нос ударил аромат пшеницы — терпкий, шершавый, чуть пыльный. Зубы вспомнили упругие корочки с пузырьками по краям — они исчезали с боков по пути домов, когда в детстве мама отправляла по хлеб. Скучающая продавщица, крякнув, встала с табуретки и поправила коричневый фартук. Я так и слышал мысли в белокурой голове: «Одних студентов отпустила, теперь еще одни... Ни вздохнуть, ни присесть!»

Влад мялся возле прилавка, рассматривая гладкие бока пирожков, жирные беляши и слойки, присыпанные сахарной пудрой, словно снегом. Смирнов выбрал самую дешевую позицию. Я же потратился, как сдобный барон на минималках.

— Не стоит, — Влад отпрянул от протянутого мной назука.

— Бери, жердь, — я вложил пакет ему в руку и сгреб сдачу из обмотанной скотчем кассовой тарелки. — А это за утро.

— Тим, хорош... — Влад закипал. — Я заплатил за тебя в автобусе, ты купил мне поесть. Мы в расчете.

Я мотнул головой, продолжая пробиваться сквозь густые леса его упрямства.

— Я же сказал — безвозмездно.

— И?

— Ты про безвозмездность ничего не говорил.

Лицо продавщицы оживилось, глазки заблестели. Я предполагал, о чем она думает. Странная картина — оборванец в подвернутых джинсах и нечищенных кроссах подает на хлеб пареньку, одетому с иголочки.

— Тим... — заметив интерес со стороны, Влад понизил голос.

— Да бери уже!

Красный то ли от жары в пекарне, то ли от своей тупой привычки не принимать даже маленькую помощь, Смирнов отсчитал монетки — собирался взять ровно столько, сколько одолжил утром. Я перехватил его руку, и мелочь с тоненьким звоном посыпалась в раскрытую ладонь Гриба, которую я тут же сам и сжал в кулак, не давая ему шанса отбрыкаться.

— Бери.

На единственном круглом столике мы заварили себе кофе три-в-одном, после чего вышли. Зашли во дворик одного из близлежащих домов и, не желая тревожить жильцов, затаились на спуске к гаражам, в тени сладко пахнущих сиреневых кустов. Положили рюкзаки на бордюр и сели.

Полдничали мы в тишине, нарушая ее прихлебыванием горячего напитка и шуршанием полиэтиленовых пакетов.

— Тимур.

Мой желудок подскочил. Горьковатый привкус совсем не горькой курицы растекся во рту. Влад редко зовет меня по полному имени — только когда зол или расстроен. Оценив выражение лица друга, я понял: актуально второе.

Он нервно притоптывал пяткой. Крутил в руке картонный стаканчик, жижка кофейного цвета вихрилась на дне. Хмурые глаза упрямо сверлили маленький водоворот.

— Рахмет.

«Спасибо» прозвучало мягко, без дерзкого «э» в конце. Обычно попытки Влада говорить на языке моих предков вызывают гордость и снисходительную улыбку. Но не в этот раз.

— Было бы за что.

— Есть за что. Ты не в том положении, чтобы деньгами разбрасываться.

— Дать другу пият рублей это деньгами разбрасываться? — я цокнул языком и безразлично усмехнулся. — Завтра перекусишь на эти деньги. Я всегда не в том положении и уже привык вертеться. А для тебя это в новинку. И я не шучу, когда помощь предлагаю. И мама не откажется...

Влад впился в меня запальчиво округлявшимися глазами.

— Ты ей рассказал? Тимур, твою...

— Спокойно, бауыр², — я выставил перед собой ладони. — Не рассказал.

— Я и тебе рассказывать не должен был...

— Но рассказал.

— Потому что вцепился в меня и не отпускал!

— Ты ходил с лицом, будто у тебя кто-то умер! Что я, по-твоему, проигнорировать должен был?

Влад разгладил заломы на бежевых штанинах и вскочил на ноги. Прodel пальцы под очки, потер глаза, словно в них пыли насыпало, затем положил ладони на бедра и, опустив голову, стал нарезать круг по бетонному пятаку земли. Друг вдыхал через нос, выдыхал через рот и так снова, снова, снова...

У меня закрипело на сердце от этой картины. Знал я, что за ней скрывается.

Беда в семью Влада пришла — да такая, о которой все самоуверенно думают: «Нас это не коснется. Мы же умные люди».

— Влад, я серьезно. Помощь нужна, по...

Он резко взмахнул рукой:

— Закрыли тему. Доедай давай и пошли.

Я прикусил язык, чтобы не ответить. Запихал в себя булку, окончательно потерявшую вкус, залпом допил кофе и, встав, поднял с бордюра свой и Владов рюкзак. Мы покинули тихое

² Брат. Сокращенный (разговорный) вариант произношения.

местечко, где почти поменялись ролями, вышли на тротуар и в тишине направились к остановке — домой к Владу. В последний раз поиграть в его любимую приставку, на которую он уже ищет покупателя.

В прихожей Владовой квартиры пахло кожей и только что распыленным древесным парфюмом. Отодвинувшись от зеркала в комнату, старший Смирнов бросил приветственный взгляд в сторону нерадивого молодняка, позволяя тому сбросить обувь.

— Здорово, мелкий, — Слава стиснул в объятьях давно не мелкого младшего брата, после чего заметил меня и расплылся в озорной улыбке. — Салам, Тим!

Наши ладони с размаху столкнулись. Хлопок сотряс спертый воздух прихожей и нанес удар по чувствительным ушам Влада.

— Салам, аға³.

Мы освободили квадрат прихожей, большую часть которой занимали шкаф и лавочка с полками для обуви и потрескавшимся кожаным сиденьем. Жирная кошка Смирновых терлась возле Владовых ног и с интересом втягивала мои запахи — я сдерживался, чтобы не протянуть ей пальцы, все еще пахнущие курицей, которые усатая непременно бы облизала. Мало ли, какую заразу приютили поручни автобуса.

Как два остолапа, я и Влад наблюдали, как Слава натягивает начищенные до блеска ботинки и завязывает шнурки; он выпрямился и продолжил прихорашиваться, уже глядя в зеркало. Темно-синяя форма и выглядывающая из-под куртки голубая рубашка выигрышно подчеркивали здоровый оттенок кожи — до того, как весеннее солнце и дача щедро отсыпали Славе загара, он был бледен, как Влад, и одежда эту бледность углубляла. На погонах тускло поблескивала одиночная звезда, бордовый просвет как будто проводил тонкую линию: вот Слава здесь, дома, юморной и заботливый, а вот он участковый уполномоченный, ответственный, строгий и сдержанный. На груди сверкнул жетон. Слава повертел фуражку, как будто взвешивал ее, и, недолго глядя в свое отражение, спрятал под ней короткостриженные темнорусые волосы.

Ему идет это форма. Но мне она не нравится — в принципе, не только на нем. Что-то болезненно ёкает внутри каждый раз, когда я встречаю Славу при исполнении.

— Ну жених, — протянул я саркастично.

— Когда-нибудь.

— Какой «когда-нибудь»? — я откашлялся... — «А вот я в твои годы»...

...и Влад едко усмехнулся с пародии на голос своего отца. Слава сощурился и растянул губы.

— Когда-нибудь. — Повторился он, взял с крючка рядом с зеркалом ключи и, повертев головой, словно что-то потерял, протараторил Владу: — Термос на столе забыл. Принеси, а? Спасибо! — друг подорвался на месте и скрылся в кухне, и Слава обратился уже ко мне: — Да, Тим, пока не забыл. Клубника скоро пойдет. Вам надо?

— Спрашиваешь! — я зажмурился, представив красные ягоды с засахаренными кончиками, кисло-сладкую, чуть водянистую кашу во рту и маленькие косточки, застревающие в зубах. В животе слегка заурчало, мозг возжелал быстрого съедобного дофамина. Пришлось напомнить ему, что ключевое слово — «скоро»; а сам себе я подкинул идею в этот раз заплатить за одно из любимых летних удовольствий. Хотя бы немного и обязательно Владу, чтобы уберечь его от расспросов.

³ Брат. Уважительное обращение, применяется по отношению к старшим.

— Все, я пошел, — приняв термос у Влада, Слава повернул защелку в двери — Посуду помой. Хотя бы раз.

— Хорошо, — друг со вздохом закатил глаза.

Я усмехнулся и бросил слова, прежде чем понял, что говорить их не стоило.

— Спокойной смены, Слав!

Серо-голубые глаза младшего лейтенанта неодобрительно потемнели. В кармане куртки звякнули наручники (сколько я ни пытался, а Слава так и не признался, как он спокойно проносит их из участка и зачем всегда носит с собой).

— Лучше заberi это пожелание назад. — Ага грозно выставил указательный палец. — Знаешь, как у дежурных врачей в больнице? Подруга рассказывала: стоит пожелать спокойной смены — и сразу портал в ад открывается! Толпами валят с инфарктами, переломами, горячей и просто буйные. У нас так же, только пациенты специфичные — воришки, хулиганы, дебоширы и прочие. Задержания, протоколы, допросы...

Я сглотнул. Черт, забыл об этом суеверии. Моя мама, отработавшая десять лет в больнице, поэтому поднапряглась и ушла в частную клинику — не только из-за денег. Говорит, своих казусов хватает, но работать несоизмеримо спокойнее.

— Желаю тебе насыщенной смены! Чтоб только ты порог участка переступил — и сразу вызов свалился! И еще один! И еще! Чтоб все воры, барыги и убийцы в один день объявились, и ты всех этих покемонов поймал!..

Какой-то по счету за день тычок прилетел в ребра — Влад никогда не теряет надежды заткнуть меня. Увы. Я не удивлюсь, если вскоре он начнет учиться пользоваться ножом, чтобы в один прекрасный день отрезать мне язык.

— Надеюсь, — проговорил Слава с раскрасневшимися щеками, — что ты в моем участке никогда не покажешься.

Я так и делаю — во всяком случае, стараюсь.

— Что вы, младший лейтенант Смирнов! — я улыбнулся в ответ — настолько искренне, насколько мог, умоляя кровь не так сильно приливать к ушам и говорить за меня. — Я законопослушный гражданин!

Пару вечеров в неделю наводящий порядок там, где закон не поспевает. С монтировкой наперевес. Грешок есть, чего уж.

— Как потерпевший, Тим, — конкретизировал Слава и открыл дверь. — Ты не в рубашке — в бронежилете родился! Иначе давно бы уже за длинный язык...

Он не договорил то, что и так понятно, и махнул рукой. Дверь хлопнула и в квартире стало так тихо, будто Слава прихватил ее собранность с собой на службу, оставив семейное гнездышко в глубоком ступоре.

Из приоткрытого на кухне окна доносились звуки улицы — ветер, играющий кронами тополей и косами берез, крики ребятни на детской площадке, редкое пищание домофонов и шуршание шин по асфальту. Воздух приносил запах обещанного дождя — свежий, влажный, металлический... он так и манил. Так и хотелось нырнуть в это дивно пахнущее облако и выпустить наружу другого себя — того, о ком знает только один человек.

Мы с Владом переглянулись. Интуитивно поняли, что думаем об одном и том же, и синхронно вздохнули: я с улыбкой, Влад — устало, отчего по моему позвоночнику пробежал разряд.

— Иди пока в комнату. Тебе еще мои конспекты фоткать. Из рюкзака достань тетрадку.

Я помыл руки и вышел из ванной, протянул черепаховой кошке Смирновых уже чистые — она со всем своим кошачьи презрением сморщила нос.

— И не такое разочарование бывает, — я погладил усатую и прекратил, когда ей надоело — вальяжной походкой она прошла в гостиную (она же, комната родителей) и совсем не элегантно плюхнулась на ковер. Подставила морду свету, льющемуся из окон, сощурилась, потер-

лась щекой о ворс, зацепилась за него когтями и замурчала, как трактор. Воистину самая беззаботная душа в доме.

Открыв Владов рюкзак, я увидел аккуратно свернутую черную толстовку и балаклаву — зимой друг надевает ее, когда его семья, те еще любители активного досуга, ездит кататься в горы. Пожалуй, сноуборд и охота на преступников — единственные виды спорта, которые заставляют этого шуплика добровольно выходить из своей берлоги.

Взгляд Влада после ухода Славы поселил во мне подозрение — оно прозорливым червячком начало прокладывать путь, копошась в мозговых извилинах. Я мотнул головой, пытаюсь избавиться от этого ощущения, схватил тетрадку с разделителями, ступил в гостиную, являющуюся проходным двором в комнаты сыновей Смирновых, и отчего-то зацепился глазами за светлую стенку. Шкаф, тумба под телевизором, открытый стеллаж со стройными рядами книжек — ничего необычного. Кроме фотографий в белых рамках с позолоченными уголками.

Смирновы в городском парке. Смирновы на горнолыжке. Смирновы у Кремля, Смирновы на море, Смирновы на фоне египетских пирамид... Оба родителя инженеры, оба сына молодцы и красавчики — один в полиции служит, второй на программиста учится. Благополучная, обеспеченная, счастливая, мозговитая семья. Признаться, я порой завидовал Владу — у него всегда было и есть то, чего не было у меня. Без злости — с сожалением, что у меня все сложилось именно так, как сложилось, и благодарностью к матери, что не сложилось хуже.

И ключевое — *завидовал*. Сейчас Смирновым можно только посочувствовать.

Я прошел в комнату Влада. Сел в компьютерное кресло, открыл тетрадь. Нажимая на кнопку и делая снимки конспектов, без удовольствия вспоминал день, когда вынудил Влада признаться, что произошло.

Он выглядел так, что и непонятно, чего ему хотелось больше — рыдать или драться. Я надавил на него — совсем немного — и чуть в лицо не получил.

— Никому не расскажешь? — он запальчиво заозирался по сторонам, как будто ожидал встретиться с монстрами — с клешнями или диктофонами.

Я пообещал. Влад рассказал.

— Мама деньги мошенникам отдала.

— Как?.. — мне хотелось, чтобы это была всего лишь отвратительная шутка.

Увы.

— У нее какое-то совещание было, позвонили прям перед ним. Ей втирали про просроченный полис. Код назвала. — Влад шумно втянул воздух, его глаза покраснели. — И пошло-поехало. Вашими деньгами мошенники завладеть теперь могут, спонсировать всяких экстремистов от вашего имени будут, переведите на безопасные счета... старая схема.

— И она... ничего не заподозрила?

Я не мог в это поверить. Не думал, что с такими умными людьми может такое случиться.

— У нее все мысли вокруг доклада начальству крутились. А когда они общаться с ней начали, говорить, что посадить ее могут за то, что не делала... — друг все-таки проронил слезу. На февральском морозе она почти замерзла на щеке. — Она описала это как: «У меня просто мозги отключились».

В тот вечер пятницы моя мама уехала в деревню к родственникам. Мы остались у меня. И пили. Много. В основном Влад — я следил, чтоб он хотя бы пару крошек обычной еды в себя затолкал. Корил он и корит себя до сих пор.

— Зубрить материалы по цифровой безопасности... и не объяснить мамке, что нельзя, нельзя называть кому-либо коды из СМС!

— Тише, тише! — он опьянел, зареванный и с расчесанными запястьями. Я держал мешок с пельменями из морозилки на его голове и почти видел столб плотного пара. —

Может, она и знала. Сам сказал, нервничала... вот и забылась. — Я шлепнул его по руке и отобрал бутылку, поставил чайник. — Сколько отдала?

Влад назвал сумму. В сравнении с тем, что бедные пенсионерки в новостях отдают, как будто не так много. Но и Смирновы, при всем своем благосостоянии, не миллионеры все же.

Заявление написали. Приняли, обезопасили себя. Суд провели. Никого не наказали. Деньги не вернули. Смирновы, не обремененные кредитным рабством, попали в него, и сейчас на всем экономят — никаких морей, гор, дорогих подарков вроде приставки на Новый год. И так еще пять лет. Как будто по-божески, но эта семья не привыкла в чем-либо нуждаться.

Иногда я порываюсь рассказать маме о том, что случилось — и каждый раз затыкаюсь. Слово надо держать. Да и чем мы помочь можем? Мама одна меня тянет. Родственники иногда подкидывают (мне; мама давно отказалась от помощи, когда поняла, что может закрыть базовые потребности — мои и свои), и все равно... не в том я положении, чтобы деньгами разбрасываться.

Влад вскипел, когда я впервые предложил ему помощь. Это случилось через неделю после горестной пьянки. Снег сыпался с неба, но в воздухе отчетливо угадывались нотки приближающейся весны — грязноватые, древесные, обнадеживающие.

— Единственное, чем ты можешь помочь, Тимур — найти этих ублюдков и пробить им головы.

— Да тебе пар надо выплеснуть, — присвистнул я, глядя на побелевшие костяшки кулаков Влада. — Давай грушу купим, избивать ее будешь.

— У меня нет денег, если ты забыл.

— Сорян. Тогда мешок из-под картошки тряпьем набьем. Повесим во дворе и боксировать будем.

Улыбка слегка коснулась его лица.

— Из окон будет казаться, что мы пакет с трупом избиваем.

— И? Вызовут ментов, Славка придет. Повздыхает, посмеется. Попадем в новости — и того гляди, там поймут, чего нам, «потерянной молодежи», не хватает, — я пихнул Влада в плечо и услышал смехок. — Безопасного способа вынести агрессию.

— Еще и с пользой, — друг начал включаться, и мне натурально захотелось прыгать от восторга. — Сколько спортсменов так найдется и преступность упадет.

Ублюдков-мошенников мы найти не могли. Другой ублюдок нашел нас сам — через пару дней после того, как мы стали выходить во двор с импровизированной грушей.

Тот случай изменил все и продолжает менять до сих пор, виртуозно подстраивая реальность под мой запрос. Но сжимающимся нутром я чувствовал, что это ненадолго, и стрелки со сносками, указывающими, что мне делать, исчезнут — и, походу, скорее, чем мне того бы хотелось.

Глава 3

Два месяца назад

— Ну что это такое? — неряшливый удар Влада прилетел по мешку под мой разочарованный восклик. — Ну разве это джэб? Забыл, что ли, как в стойку вставать? Иди и смотри!

Я согнул ноги в коленях. Выставил правую руку как защищающуюся — и впечатал левый кулак в обычной шерстяной перчатке в самодельную грушу.

Мешок мы нашли в гараже Владовых родителей, напихали туда наших старых шмоток и еще какие-то тряпки из того же гаража, которые Смирновы все думали выкинуть, да так и хранили — вот, пригодились. Набивка мешка получилась неравномерная — где-то груша мягкая, а где-то и костяшки разбить можно. Боксерские перчатки я по дешевке купил с рук. Третий вечер подряд мы выходим на площадку возле моего дома, совместными усилиями подвешиваем грушу за верхнюю балку металлической лесенки и дубасим. Влад, пыхтя и краснея, особенно усердствует.

Я не помню, когда в последний раз видел его таким и видел ли вообще.

— Неплохо, неплохо.

Февраль на исходе решил отыгаться. Вечерний мороз беспощадно кусался — я спрятал подбородок под шарфом и натянул шапку до ушей. Запрыгал то на одной, то на второй ноге, пытаюсь выработать тепло. Хорев⁴ мычал из кармана куртки, прося спасти, но не сохранять, а Влад молотил по мешку хаотично, размашисто, с такой животной яростью, что мне стало не по себе.

— Тише, тишь! Запястье вывихнешь с такими ударами!

— Да вообще по... фиг! — Влад отскочил от мешка и рукавом стер пот с блаженного лица. — Мне так ах... фигенно, Тим! Просто кайф!

То, что он в нирване, и без слов понятно. Три банки энергетика в желудке, горящие глаза, воинственный оскал. Но раз приличный Влад фильтрует речь, значит, и адекватность в нем не дремлет.

— Остынь, Макгрегор, — между очередной серией ударов я рискнул подойти ближе и хлопнул щуплика по спине. Из-под расстегнутой куртки Смирнова дымком поднимался пар. — Давай заканчивать. Простынешь еще — и у кого мне списывать?

— Иди в жопу.

— Какую? — я поднял бровь и получил в ответ раскат смеха.

— Сам выбери. Не мою только!

— Эх! — с наигранной досадой я хлопнул себя по бедру. — Облом...

На подъездную дорогу пролился мутный свет. Из-за угла вальяжно выехала «Четырка», урчащая, как кошка Смирновых. Сверху раздался хлопок балконной дверью и скрип зажималки. Из приоткрытых окон и форточек кухонь, после готовки превратившихся в бани, слышался звон тарелок и бормотание телевизоров. Обитатели района стремились провести часы перед отбоем в вечернем быте и не требующим усиленной мозговой деятельности досуге — самое то после работы и учебы. Отключиться, перезагрузиться, чтобы утром вновь пройти по привычному маршруту и на каждом переулке замирать в задумчивости и задавать самому себе тревожный вопрос: а этого ли я хочу? Порой я спрашиваю себя об этом, и физически чувствую, как пустота накрывает — плотная, тяжелая, душная.

⁴ Артем Хорев, вокалист и фронтмен рэп-рок группы Anacondaz. В приведенном абзаце содержится отсылка на песню «Спаси, но не сохраняй» (альбом «Выходи за меня», 2017 год)

— Еще пять минут! — заверил Влад и, дождавшись моего кивка, с азартом набросился на мешок.

Я прикинул, сколько месяцев осталось до моего Дня Рождения. Оценил свои достижения к пока не полным девятнадцати годам и тихо поник. Посмотрел на Гриба, воздающего бедным тряпкам апперкоты.

Я знал, что эта его тяга набить кому-то морду — временное явление. Скоро он остынет и вернется к своим интересам, с которыми уже решил связать дальнейшую жизнь — игры, компьютеры, программы, железо. А я? Как будто до сих пор не определился, чего хочу и главное — на что годен. Всякое пробовал — и спорт, и блог, и музыку, даже стихи писать пытался, разве что умом не блистал, — да все вскоре бросал. Зафиксироваться на чем-то, отдать этому месяцы бессонных ночей, а потом ни с того ни с сего переключиться на что-то другое и забыть про прежнее увлечение — это про меня. Сколько мама ни билась с моей неусидчивостью, как ни пыталась вырастить из меня человека, приносящего пользу, она проиграла. Иногда я думаю, что только шутить и драться умею, а разве на этом вырастет достойный член общества и гордость семьи?

— Дай, — я выпросил у Влада перчатки.

— Ты норм?

Я неубедительно улыбнулся.

— Забей.

— Тимур.

Мерзкий холодок пробежался по позвонкам.

— Тим, — уже мягче сказал Влад, расстегивая перчатки, — не надо думать, что из-за моих проблем мне должно быть плевать на твои. Я тоже слушать умею. Рассказывай.

— Да все о том же думаю, — я жонглировал боксерскими перчатками, теряя желание надеть их. — Кто я, что я. Программиста из меня не выйдет, ты это знаешь. Я думал, пойду в колледж и за четыре года пойму, как по жизни хочу двигаться.

— Так и не понял?

Поджав губы, я кивнул.

— Три сессии осталось, а все еще не знаю.

— Ты много чего пробовал.

— А результат? — я в спешке продолжил, заметив, как приподнялись брови Влада, и почти услышав вертящуюся на его языке нотацию: — Я не про какие-то вершины и, прости Господи, признание. Я про ощущение. Что то, чем я занимаюсь — мое.

В погоне за незримым, понятным мне одному «своим» я уже немного вымотался. Раздражает меня это чувство неопределенности — сидит на плече, как надоедливый попугай, и ворчит: «Что если, что если... а может, не надо... а может, надо... а есть ли смысл... другие лучше». Про сравнение и думать не хотелось — отдельный вид мазохизма.

— Я скажу тебе самую очевидную вещь, Тим, — Гриб застегнулся и отобрал у меня перчатки. — Тебе всего восемнадцать. То, что ты не определился — нормально. Вся жизнь, как говорится, впереди. Главное — не бросать попытки. Может, стоит вернуться к музыке? У тебя голос есть. Ты болтливый, запросто к рэперам местным подмажешься, а там, может, и дальше пойдешь. Тебе просто надо... чуть-чуть постараться.

Слова Влад правильные сказал — надо всего лишь собраться. Вот только эти сочетания букв — все равно, что горох в стенку.

— А может, тебе пока лучше абстрагироваться, — считав мое настроение, добавил Влад. — Перезагрузиться. Заняться ничем. Подумать.

— Это ж сколько можно думать и на маминой шее висеть? — я топтал снег под собой, придавая следам от ботинок аккуратные гладкие формы и ровные стенки.

— Столько, сколько потребуется. — Фары стоящей у подъезда машины внезапно загорелись и погасли, на миг подсветив огонек в глаза Влада. Он завел руку мне за спину и потрепал плечо. — Лобные доли годам к двадцати пяти только формируются. Время у тебя еще есть.

— Лобные доли? Это где?

— Здесь, двоечник, — Гриб ткнул пальцем мне в лоб.

Логично. Аж стыдно за затуп.

— А что происходит, когда они сформировываются?

— Вкратце — человек становится взрослым. Полностью. Физически и ментально. — Друг драматично вздохнул. — Вселенная схлопывается. Депрессия ручкой машет. Парни начинают интересоваться рыбалкой и мотоциклами, пай-девочки — красить волосы, носить короткие юбки и колготки в сетку...

— Сейчас каждая вторая так ходит, — я попытался отшутиться. Неуверенность внутри набухла зернами, скорлупки затрещали, нагреваемые тревогой, и взорвались под разочарованные охи и ахи невидимых зрителей с легко узнаваемыми голосами.

— Тим, не парься. Вот уж в чем я уверен, что все у тебя будет. Ты не сдаешься, ну не про тебя это!

Я почувствовал, что краснею — уже не от мороза. Влад не особо разговорчивый и на пылкие речи редко распыляется. А тут еще на такую разошелся...

— Будет.

...неудобно его разочаровывать.

— В крайнем случае, у тебя всегда будет запасной вариант...

Он сощурился. Откашлялся. И запищал слова песни, о которой я уже и забыл.

Смешок заклокотал в горле. С ней Славу в армию провожали. Меня тоже пригласили. И, как тогда, год назад, я взял высокие ноты, выкрутил на максимум громкость своего голоса — и он пустился в вольное путешествие по двору, застрял меж лысых ветвей деревьев, застучался в окна, впитался в панельки и остался там навсегда. Гимн беззаботных времен и крадущегося отчаяния, которое, в отличие от молодости, ничего не прощает.

Но мне полегчало. Пустота поредела, сквозь просветы пробился свежий воздух. Я все еще не знаю, кем быть по жизни — пускай. Сегодня у меня есть я, бауыр не по крови и мешок с тряпьем. Дома ждет мама — возможно, она допивает зеленый чай и расслабляется перед какой-то там по счету серии «Следа» или другой детективной оперы. Об остальном подумаю завтра. Сегодня... сейчас мне хорошо.

И пора завести Влада в тепло: его нос сопливил, глаза слипались, кашель рвался наружу. Как бы переохладение ни подхватил. Или ангину (опять).

— Мешок ко мне потащим? — я взобрался по лесенке и подцепил узелок, за который мы подвесили мешок.

— Не ко мне точно! Таскать дольше потом. К тому же Раушана привычна к твоему накопительству, — Влад покосился в сторону моего рюкзака. Из кармана для бутылки торчал рифленый стержень. — Откуда ты ее принес?

Я взял предмет в руку. Землистый запах металла коснулся носа. Рисунок на стержне ощущался через ткань перчатки. Арматура была короткой, где-то полметра в длину, с погнутым концом.

— Маму шел встречать с работы, вижу — забор у палисадника сломали. И валяется это. — Я взвесил находку. Даже при своем скромном размере она оставалась несбалансированной. И опасной. — Без понятия, зачем взял.

Арматура упала в снег. Боксерские перчатки полетели в мешок. Я закрутил узелок и уже собрался было перекинуть тяжесть через плечо, как Влад меня окликнул.

Не своим голосом — слишком низким.

— Тим. Оглянись. Медленно.

Тихо и безапелляционно. Клубок змей подкрался к горлу, когда я столкнулся взглядом с Владом. Его брови свелись на переносице. Глаза в прищуре — он явно что-то высматривал в темноте.

Не дыша, я обернулся — и не увидел ничего необычного: двор как двор. Поздняя зима, вечер, окна горят всеми оттенками белого и желтого.

— На «Четырку» посмотри. — Мне пришлось напрячь слух, чтобы слышать Влада. — Ты вдаль видишь лучше меня в линзах. Скажи — не я один... это вижу?

Барабанная бочка ритмично застучала в голове. Рефлекторно я поднял с земли гнутую арматуру. Если Влад имел в виду раскачивание тачки и возню двух тел внутри, то я видел. Если он имел в виду, что одно из тел очевидно недовольно, как будто...

Пассажирская дверь щелкнула — и тут же захлопнулась. Секунды оказалось достаточно, чтобы услышать сдавленный девчачий вскрик. Еще секунды — чтобы мы подорвались с места по направлению к серебристому автопрому, усыпанному рыжиками.

Кровь закипела в венах, как вода в кастрюле.

Мать моя женщина.

— Пригнись! — Влад схватил меня за плечо и опустил на бордюр. Колени взвизгнули, но я проигнорировал боль. Костяшки свело зудом, арматура задрожала в моей руке, как будто моля пустить ее в полный разнос.

Уже издалека картина была неприятной. Вблизи — просто кошмар. Через окно водительской двери я наблюдал за тем, как какой-то парень хватает девушку за волосы на затылке. Боль и ужас отразились гримасой на ее лице. Глаза роняли слезы, те смешивались с косметикой и угольными дорожками стекали по щекам. Пухлые губы со смазанной помадой дрожали и молили истязателя пощадить. Отпустить.

Слов не разобрать. Но приглушенный жалобный плач и бубнеж, *агрессивный бубнеж*, слышался отлично.

Я поднял взгляд на дом, в котором живу. На лоджиях пусто. В окнах, некоторые из которых приоткрыты, горел свет.

Ярость ослепила меня.

Неужели это возможно? Неужели никто...?

— Пошли. — Мой голос трансформировался. Я даже не процедил сквозь зубы — натурально зарычал.

— Он точно закрыл дверь с ее стороны. — Влад дернул меня за рукав. — Возможно, со своей тоже. — Смирнов на миг замолк. Серо-голубые глаза потемнели и стремительно проанализировали обстановку, просканировали ее в поисках лазейки. И вспыхнули. — Надо выманить его.

— Отличный план.

Слюна брызнула изо рта, как у дикого пса. Парень властно провел рукой по щеке девушки, продолжая другой держать ее за волосы.

— Тим!

Влад снова меня остановил. Я посмотрел на него в бешенстве, отметив, что поколочу и его, если он продолжит медлить.

— Иди к багажнику и жди, — запальчиво зашептал друг и вырвал из моих рук арматуру. — А это мне оставь. Дождись сигнала и выходи. Да поверь мне!

Три слова окатили ледяной водой. Проясняющийся разум уловил ход мыслей Влада. Я кивнул, вывалился из-за бордюра и на полусогнутых подкрался к багажнику. Бросил взгляд на водительское окно — в груди, в мозгах вспыхнуло адское пламя, когда водитель наклонил голову пассажирки.

Влад вышел из мнимого укрытия и закрыл шарфом половину лица — я сделал то же самое.

Походка Влада была нарочито безмятежная, непринужденная, будто он возвращался с прогулки. Со штырем в руке.

Я выжидал. Вспомнил, что забыл спросить: «Что за сигнал?» и надеялся его распознать. Что это будет? Жест? Слово?

Влад остановился сбоку от машины. Перекинул штырь из правой руки в левую, обхватил пальцами нестабильную конструкцию и спустился к концу, которым начал стучать по капоту. Мягко, невесомо — без царапин даже, не то что вмятин. Но достаточно, чтобы водитель отвлекся и отпустил девушку. Не успел я хмыкнуть, что мы имеем дело со стереотипным пацаном, которому четыре колеса дороже любого человека, как услышал сигнал.

Это именно сигнал. Иначе...

Я не верил. Он на полном серьезе...?

Влад страшно сфальшивил. Невидимый стадион футбольных болельщиков подпевал ему, пока я пробивал лицо ладонью. Не знаю, что возмутило меня больше — выбор песни для сигнала (я бы выбрал другую), сдержанность Влада (я бы уже раздолбал «Четырке» капот и лобовое) или то, что он забрал отведенную мне роль в нашем дуэте (я здесь шут!). Вся эта долгая мысль сформировалась за секунду и забылась, когда друг занес арматуру над лобовым стеклом.

Крик из машины запросился наружу. Вот это точно сигнал.

Арматура замерла над стеклом, опасно раскачиваясь — стоит Владу тряхнуть рукой, как отсутствующий баланс даст о себе знать и «Четырка» выставит своему владельцу приличный счет.

Дверь распахнулась. Водитель вывалился с криками и бранью. Девушка аккомпанировала ему визгами и громким рваным дыханием. Двор наполнился звуками, от которых сотрясались панельки домов. Я позволил хрупкой надежде вспорхнуть над головой очаровательной бабочкой и, сделав захват, оттащил ублюдка от Влада. Арматура с чувством неутоленного голода упала ему в ноги.

— Отпустили, уеб..!

Парень оказался плюс-минус похожей комплекции, что и я — среднего роста, крепкий, но видно, что занимается на отвали. Ладони, которые пытались разжать мою хватку, не отсвечивали мозолям, заусенцами, маленькими ранками. Достаточно опрятные.

Повезло. Не ему.

Влад заглянул в машину и обезоружено выставил ладони.

— Все хорошо, слышишь? — из-за шарфа его голос прозвучал глухо. — Мы тебя не тронем.

Девушка вытаращилась на него огромными глазами, вжимаясь в пассажирскую дверь. Всклипнула раз, второй, задышала через рот, заливаясь слезами.

— Вы... вы...

— Внесешь ясность? — мягко спросил Влад и таки снял шарф, чтобы девушка видела его лицо. — Нам показалось, ты в опасности. Может, мы неправильно поняли. Расскажи свою версию. Кто он тебе и что хотел.

Его добродушный тон подкупал. Девушка не потеряла бдительности, но трести ее стало как будто меньше. Если она таяла, то я воспламенялся. Ну как, как Влад может оставаться таким спокойным?!

Несостоявшийся насильник продолжал брыкаться. Крепче сжав руки вокруг его шеи, я сделал подсечку — и он рухнул на колени.

— Не рыпайся! — прижав его своим весом, я рывкнул и одним ухом прислушался к разговору.

— Он твой парень?

— Не знаю... мы второй раз видимся.

— Ты здесь живешь?

— Да.

— Он привез тебя домой.

На утверждение несчастная ответила, как на вопрос. Влад судорожно выдохнул.

— Вы договаривались на... *что-то* после того, как он тебя подвезет?

Даже в критической ситуации он не назвал вещи своими именами. Остался нецелованным скромником. Я же бурлил и шипел, как масло на сковороде.

Ну же. Быстрее.

— Н... нет.

Парень в моих руках напрягся. Я почувствовал его страх. Волнение. Запах странный — кислый, отдает яблочным уксусом и прогорклым маслом. От такого живот обычно крутит, но мне он показался... приятным.

Тоненький голосок девушки не позволил полноценно зафиксироваться на этой детали — изучить ее, рассмотреть со всех сторон и понять, почему она меня заворожала.

— Н-но... Я думаю... Он рассчитывал...

— На близость?

Я сцепил веки. Секс, Влад. *Гребаный секс без гребаного согласия.*

— А ты рассчитывала? Предполагала?

— Я не... не...

Раздражение вышло из меня с утробным стоном.

— Девчуль, давай проще! Хотела ты, чтоб он, — я кивнул на притихшего и покрасневшего горе-преступника, — лапал тебя?

Влад метнул в меня осуждающий взгляд — я ответил тем же. Невыносимый зуд стал частью меня. Я чувствовал себя конфоркой с включенным газом — мог только взорваться! И лучше бы меня выключили, пока огонь не вышел наружу и не сожрал всех, кто окажется рядом!

Несчастная открыла рот и посмотрела на меня, как на дикого зверя. Посаженного на очень хрупкую цепь.

Ну же. *Ну же!*

— Не... хотела.

Два слова. Восемь букв. Карт-бланш на бесчинство в отношении того, кто иного не заслуживает. Руки сильнее обхватили шею насильника. Одна мысль засела в голове назойливой пластинкой.

Он недостойн. Ничего хорошего он недостойн.

К сожалению, недостойные цепляются за жизнь, как клещи. Парень дернулся и ударился затылком мне в лицо. Молния расколола нос, разряды пробежали между зубов и осели заряженными искрами в подбородке. Замешательства хватило, чтобы хватка ослабла и парень, скинув с плеч мои руки, высвободился и нанес удар. Повезло, что сейчас зима, и куртка смягчила его. Боли не последовало — не в солнечном сплетении, куда парень обрушил свой хиленький кулачок.

Голова раскалывалась. В ушах звенело. Кровь скапливалась вокруг смещенного (я надеялся, не сломанного) носа, кожа пухла и наливалась синевой.

Парень плюнул на снег в сантиметре от моего колена. Назвал меня самым типичным оскорблением для обладателей азиатского разреза глаз, отчего спасение слабого перестало быть просто делом чести. И выдернул Влада из машины — тот едва успел пролезть внутрь и поднять замок пассажирской двери.

Алая пелена легла на глаза. Цепь раскрошилась. Газ взорвался.

Мир как будто ускорился. Фильм потерял несколько драгоценных кадров. Вот насильник заносит кулак в лицо Влада — а вот валяется на снегу. Подо мной. В своем же плевке. С зубами, окрашенными в красный.

В моих руках арматура. Раскачиваясь, как антенна на ветру, она заискивающе зашептала надо мной: «Давай. *Давай*».

— Хорош!

Не я один на адреналине — иначе Влад не остановил бы меня. Он вырвал штырь из моих рук, бросил его в лысые кусты и стащил меня с побитого парня.

Я все еще горел. Хотел отпинать это тело до потери сознания и хрустящих костей. Неутоленная жажда праведного насилия отозвалась ломкой. Но вата выпала из ушей, и я услышал крики девушки — она выбралась из машины и во все глаза смотрела прямо на меня.

— Не надо... — лепетала несчастная одними губами.

Ужас в ее глазах облил меня кипятком.

Как гром среди ясного неба сверху раздался сварливый голос:

— Тут людям на работу завтра! Я сейчас полицию вызову!

Я опешил и скривился: вот и хрупкая надежда, о которой молил, проросла. Да неужели? Людям не все равно на то, что творится у них под окнами? Видимо, только когда спать мешают.

— Все в порядке! — прокричал Влад появившемуся зрителю, отпустил меня и поднял владельца «Четырки» на ноги. — Человек упал. Поскользнулся. — Он натянул на голову парню капюшон, чтобы скрыть кровавые подтеки.

Женщина с третьего этажа видеть этого не могла, а Влад все равно... подстраховался. Мои руки дрожали, конечности раскачивались, изо рта валил густой пар, а друг... ни на секунду не потерял самообладания.

Остался логичным. Думал о последствиях.

Тормозил. Намеренно.

Влад посадил парня в автомобиль — тот шумно дышал и откашливался. Водительская дверь хлопнула. Друг посмотрел мне за спину.

— В каком подъезде живешь?

Я проследил за его взглядом и впервые полноценно оценил нашу несчастную. Бледное лицо со смазанными макияжем. Укороченные до плеч волосы обесцвечены, покрашены в белый, скрыты черной шапкой. Огромный пушистый шарф. Дубленка-авиаторка расстегнута, один из ремешком порван. Короткая клетчатая юбка и колготки — не в сетку, черные и плотные, и все равно. Вид... вызывающий.

— Третий.

Я поджал губы. Просканировал черты лица девушки — они показались мне смутно знакомыми.

— Отлично. Он, — Смирнов кивнул на меня, — тоже. Он тебя и проводит. Я посторожу снаружи.

— Он?!

Ее взгляд обжег: она посмотрела на меня так, будто это я лез ей под юбку. Оскорбленный, я достал ключи из кармана и встряхнул ими так, что металлический лягг разрезал мертвенную тишину спальни.

— Иди ты.

— Нет. — Не терпящим пререканий тоном объявил Влад. — И да... как тебя зовут? — вопрос был адресован девушке.

— Яра.

— Да, Яра. Он тебя проводит. Потому что, если он останется здесь, с ним...

Он кивнул на «Четырку» с, кажется, отключившимся водителем. Не закончил фразу — и красноречиво провел большим пальцем вдоль шеи.

От этого жеста мои позвонки перевернулись.

Делать нечего. Влад остался караулить водителя, мы с несчастной зашли в подъезд — тот встретил нас запахом влажной пыли и бетона. В благородном молчании я пропустил девушку

вперед — она боялась ехать со мной на лифте, оттого мы поднимались по лестнице, оставляя за собой дорожки снега, осыпавшегося с ботинок.

Остановившись на четвертом этаже, напротив черной металлической двери, пазл сложился, и я неожиданно вспомнил, как, спускаясь по утрам в шарагу, бывало, видел эту девочку. Пару раз мы даже обменялись кивками. И, кажется, она это запомнила.

— Яра? — сорвалось с языка.

— Ярослава, — настороженно уточнила соседка.

Я про себя хмыкнул. *Ярослава, Владислав...* славянское братство окружило меня, не иначе.

— А... Ты выше живешь, да? С мамой. У вас еще выпечкой часто пахнет.

— Ага, — просто ответил я. Змеиный клубок завертелся в горле. Адреналин меня не отпускал — новая доза разнеслась по венам, стоило мне подумать о том, как мир тесен. — Ты будешь заявлять на парня?

Яра, которая и без того была напряжена, побледнела.

— Нет. Смысл? Ничего же не случилось...

В другой ситуации я бы начал ее разубеждать. А будь она моей близкой подругой или сестрой, за шкурку повел бы в участок. И подписал бы чистосердечное за «убийство чести».

— Блокируй его везде. Если что, знаешь, где я живу. Но, это... если увидишь мою маму — не говори ей. Ни о чем. Лучше вообще... делай вид при ней, что не знаешь ни ее, ни меня.

Я спрятал руки в карманы, чтобы не испугать Яру сжатыми кулаками.

— Без обид, — уголок ее рта неловко дернулся, — у тебя синяк на лице. Мама все равно спросит.

— А у тебя все размазалось. Поправь лучше, чтоб вопросов не задавали.

Она помялась, но все же попросила меня поддержать свою сумку. Посмотрев в маленькое зеркало, Яра смочила слюной салфетку, стерла черные подтеки, поправила красную помаду в уголках губ, а затем припудрилась. Я осторожно блуждал взглядом по ее лицу (безусловно красивому), но низ меня будоражил — в плохом смысле.

— Не хочу показаться ханжой, но ты бы лучше так не одевалась.

— Что теперь? — звук закрывшейся пудреницы пробежался эхом по подъезду. — Из-за тех, кто член в штанах удержать не может, юбки не носить?

Я хмыкнул. Дерзкая, значит...

— Не только из-за парней. Про цистит что-нибудь слышала? Хотя бы куртку длинную носила, а не... это.

Авиаторка едва-едва прикрывала задницу. Яра надула алые губы, нахмурилась и скрестила руки на груди. А мне все равно — я своих слов придерживаюсь. Мама по полгода мучается с такими модницами, как она — наденут свои юбки в мороз, а потом от проблем со здоровьем не отделаются!

— Ты грубый.

— Какой есть.

Недовольного личика коснулась улыбка.

— Не обещаю, что прислушаюсь.

— Твое дело.

Белые щеки вспыхнули румянцем. Яра опустила взгляд в пол.

— Спасибо. Что помогли.

Внутри что-то щелкнуло, и вместо разъедающей злости явилась странная, колючая бодрость. Разум взорвался фейерверком. Сердце под ребрами пустилось в пляс, и восхитительные вибрации разнеслись по телу.

— Может... — Яра вздохнула в попытках говорить уверенно, — пообщаемся как-нибудь?

Из меня вышел ошарашенный смешок. Не просто дерзкая. Не знаю, будь я девчонкой, побоялся бы после подобного заводить с кем-то знакомства... зато знаю того, кому эта смелость откликнется.

Отлично.

— Лучше с ним пообщайся, — я кивнул в пустоту позади и сморщился: нос напомнил о своей травме. — Владом зовут. Так-то он тебя спас и первым заметил.

Девушка хихикнула, и этот нежный звук отскочил от зеленых стен подъезда.

— Мне показалось, он мозги, а ты — кулаки.

— Именно поэтому лучше возьми его номерок.

— А твой?

— Где он, там и я.

Достав телефон из кармана, я чертыхнулся: пять процентов. У Яры вообще разрядился на морозе. Она выудила из сумки тетрадку, выдрала листок, разделила его на два клочка, один отдала мне. Трясущейся рукой я успел переписать номер Влада до того, как мой гаджет благополучно впал в кому.

Перед тем как передать мне клочок бумаги с написанным цифрами, Яра украсила его отпечатком губ. Вот же ж... еще и кокетка. Представляю, как Смирнов поставит этот листок в рамочку и повесит на стенку. Или будет носить в кошельке, как мама — нашу семейную фотографию.

Яра открыла входную дверь. Улыбнувшись мне напоследок, зашла в квартиру — и только тогда я выдохнул. Тело изнывало от непрекращающейся дрожи, а эйфорический фейерверк продолжал грохотать, создавая на пару с сердцем потрясающий бит. Возбужденный мозг пытался схватиться за мысли, придать им форму и наложить текст на мелодию — безуспешно.

Потому что то, что я чувствовал... неопишимо.

Мы занесли мешок и рюкзаки ко мне домой. Теплый воздух прихожей колыхнулся от принесенных нами ароматов улицы, зимы и отпущенного гнева. Мама, одетая во флисовую пижаму, выплыла из кухни и, показывая ямочки на щеках, развела руки в стороны.

— Что-то ты запоздал, Тимур. А тебя, жаным², я вообще не ждала!

Первым под ее приступ нежности попал Влад, чему я порадовался: появилось время подумать над историей происхождения синяка. Расцеловав краснеющего друга в обе щеки, она потянулась ко мне — и ее взгляд наполнился тревогой.

— Что это такое? — материнские пальцы пощупали воздух возле кривого носа и наливающегося синяка.

— Поскользнулся.

— Что же, лицом в снег?

Я глупо почесал затылок. Лучше оправдания не придумал. Не будь рядом со мной Влада, мама бы точно засомневалась.

— Это правда, — он поддержал мою ложь. — Сам видел. Зрелище... так себе.

В ее глазах он — мой тормоз. Оберег от драк и необдуманных поступков. Если во втором я сегодня убедился, то первое сработало в обратную сторону — и, не могу сказать, что я против.

Визуальным и тактильным осмотром мама заключила, что нос не сломан, и, наученная предыдущими моими выходками, вставила перегородку на место. Хруст долетел до самого мозга. Бензиновые пятна вспыхнули перед глазами.

Я не издал ни звука. Сделал вдох и выдох.

⁵ Дорогой.

— Нормально?

— Терпимо.

— Пропустишь завтра первую пару. Со мной пойдешь в клинику, попрошу сделать рентген. — Мама строго вскинула указательный палец, пресекая мою попытку протестовать — Отказ не принимается. Түсіндің бе?⁶

Я прикусил губу изнутри до железного привкуса.

— Түстім.

Мама покачала головой, будто хотела поправить, добавить упущенное окончание, но лишь фыркнула⁷. Сеточки морщин вокруг темно-карих глаз разгладились, а я почувствовал, как камень упал с души: ана ни о чем не догадалась.

Мы с Владом заперлись в моей комнате, представляющей собой склад всякой всячины. Старые обои на стенах оделись в плакаты с музыкантами и героями сериалов. В углу между шкафом и изножьем кровати пылилась гитара. Я играл на ней всего недели две, еще и струну порвал — так и не заменил. Синтезатору на комод повезло чуть больше, но и он выглядел заброшенным и скучал по тем дням и ночам, когда из его клавиш извлекались звуки. Журналы и куча недочитанных книг с оставленными в разных местах закладками лежали на столе с ноутбуком, двумя дымящимися кружками и тарелкой печенья.

Прикладывая холодную тряпку к носу, я негромко включил музыку.

— Кажется, уезжает, — сказал Влад, смотря в окно через тюль и поднеся к губам кружку. Я прислушался к удаляющемуся урчанию «Четырки», что не глушится даже плотными стеклами и бросил:

— Кетсең кет.

Друг по слогам повторил новое для него выражение.

— Что это значит?

— «Уходишь — уходи». Типа как «скатертью дорога». — Я прихлебнул чай. — Ты так казахский скоро выучишь.

— Уже как восемь лет учу... Қап⁸! — содержимое кружки чуть не выплеснулось, когда я обрушил ладонь на плечо Влада.

— Вот оно как? На русском, значит, не материшься, а на казахском — пожалуйста!

— Это даже не мат! Вырвалось просто... — друг отставил кружку и важно поднял подбородок. — Я в принципе стараюсь не материться. Не люблю превращать речь в крики.

Я потрепал плечо Влада и легонько ткнул его под ребра.

— Я буду делать это за нас двоих. На двух языках.

Он вяло оттолкнул меня и взял с тарелки печенье.

— На трех. «Fuck» никто не отменял.

Тряпка на носу потеплела. Я перевернул ее, и еще пару секунд распухший нос остужался. Вот только тление угольков где-то внутри, в сокрытом от всех месте, не утихло. Дурацкий адреналин как вцепился в меня, так и не ослаблял хватку. Стоило вновь подумать о произошедшем — арматуре в руках, криках Яры и полном отсутствии мира вокруг — как осколки стекла рассыпались под кожей и скопились в кончиках пальцев.

— Тебя не отпускает, — Влад кивнул на мои трясущиеся ладони. Я представил, как долго оттирал бы их от крови, не будь на мне перчаток.

— Я бы убил его, если бы не ты.

— Убил бы.

⁶ Ты понял?

⁷ Тим должен был ответить «Түсіндім» («Понял»), но потерял окончание, из-за чего смысл фразы сломался. «Түстім» переводится, как «Спустился».

⁸ Междометие, выражающее досаду, испуг или удивление, близкое по смыслу к «вот черт!».

— Не зря мама говорит, что ты мой тормоз.

— Ага. Я тормоз, ты топливо. Звучит, как название для команды.

Подперев подбородок, Влад задумчиво посмотрел в стену. Пианино меланхолично играло на фоне, за окном собирался снег.

— Влад, — я не мог молчать. Не мог держать это в себе. — Мне понравилось.

— Что конкретно?

— Не знаю... ощущение. Будто сделал что-то хорошее. Что-то... — я замолк, перебирая слова и пытаюсь выбрать подходящее. — Правильное.

— Избивать человека не совсем правильно.

— А это разве был человек?

Долгие мгновения мы испепеляли друг друга взглядами. Правда у каждого своя. Истина... звучит, как слово из учебника. Бывало, мы обсуждали какие-то преступления (после просмотра фильмов или в потоке криминальных новостей) — тогда я и заметил ключевое отличие между мной и другом. Влад почти пацифист, думает о скрытых фигурах за спинами негодяев, подобных насильнику из «Четырки», ищет безболезненные пути выхода из конфликтов, полагается на дипломатию и хитрость. Я же не пренебрегаю использовать силу — до некоторых только на языке насилия и можно достучаться. И мне все равно, сколько людей будет плакать по ним.

Мозг и сила. Топливо и тормоз. В противовес арматуре — идеальный баланс.

— Знаешь... мне тоже понравилось. — Влад достал из кармана листок с телефоном Яры и аккуратно разложил его, улыбаясь отпечатку губ. — Спасать, получать благодарность. Травму мы ей, конечно, оставили... но могло быть хуже. Намного. И то, что мы это «хуже» отвадили...

— Бесподобно.

Мы не просто не сделали хуже. Мы восстановили справедливость. Не совсем цивилизованным методом, как это делает закон с большой буквой «З», но восстановили. Жестко, кроваво, бескомпромиссно — так же, как дикари совершают бесчинства. Ответили преступнику на его языке.

Меня ударило током. Я вдруг увидел это ясно, без красивых слов: закон действует медленно, а зло не ждет. И если между «когда случится» и «когда накажут» есть «окно», кто-то должен стоять в нем. И пусть это буду я. Не ради адреналина и жажды приключений — чтобы «хуже» не случилось. Чтобы, когда на кого-то в темноте нападает монстр, рядом оказался тот, кто не просто услышит — не уйдет.

Мой взгляд упал на полку, на пару фотографий в рамках. Мама будет недовольна, если узнает.

— Влад.

— Что?

Я сощурился. Прижал язык к нёбу, чтобы не сболтнуть.

— Ты серьезно выбрал в качестве сигнала «Знаешь ли ты»?

Его глаза комично округлились. Кончики ушей заалели — в цвет помады на клочке бумаги.

— Ну ты даешь! Мы с тобой на самое настоящее дело пошли, человека спасали от изнасилования! А ты решил спеть?

— Я растерялся! — щеки Влада заярчали на фоне отпечатка губ. — Слово или жест мы выбрать не успели... а эта песня у меня в голове весь день сидит! Ну не будет нормальный человек просто идти и петь — понятно же, что это сигнал!

Ситуация абсурдна — как и размахивание кулаками после драки. Меня прорвало на хохот.

— Раз ты мой выбор не оценил, — Смирнов с чувством собственного достоинства и глубочайшего оскорбления убрал волосы с лица и сложил руки на груди, — то какой сигнал предлагаешь ты?

Невинным вопросом он подтвердил, что поддержит меня. Но идею свою я не озвучил — решил отложить этот разговор на потом. Придать своей идее вес, не делать из нее импульс. Обдумать ее.

Я хотел этого. Но один я не справлюсь. Мне нужны тормоза и тот, с кем я могу разделить этот триумф.

Слыша знакомые аккорды и поражаясь тому, как удачно мой перемешанный плейлист перекликался с настроением вечера, я поднял палец вверх и начал подпевать.

Влад пробил себе лоб ладонью и обреченно простонал.

— Ну конечно... ну конечно.